

лашвили о его неверии в победу революции и все-таки верности ей (отсюда трагические мотивы его лирики) — все это никак не подтверждает выдвинутого критиком положения.

Думаем, что излишняя субъективность ослабила доказательность и других мест книги (в частности, некоторых разделов статьи об эстетике раннего Маяковского).

Однако у нас есть полные основания надеяться, что Г. Маргвелашвили, удержав все достоинства, которыми он обладает, избавится полностью от отмеченных здесь недостатков.

В этом дружеском пожелании — главный смысл нашей рецензии.

Ю. СУРОВЦЕВ

КНИГА О ВЫДАЮЩЕМСЯ ТАТАРСКОМ ПИСАТЕЛЕ*

Нельзя не указать на серьезные сдвиги, наметившиеся за последнее время в изучении татарской литературы. Появился ряд проблемных работ, посвященных исследованию вопросов татарской литературы начала XX века. Это в первую очередь «Очерки по истории татарской литературы начала XX века», написанные коллективом литературоведов ИЯЛИ, монография Г. Халита «Габдулла Тукай и татарское литературное движение начала XX века», где впервые состояние татарской литературы исследуется в свете идейно-эстетической борьбы того периода. В журнале «Совет эдебияты» («Советская литература») были опубликованы некоторые статьи, обобщающие на большом фактическом материале историю татарской литературы периода гражданской войны и 20-х годов.

Явно углубилось внимание литературоведов и к творчеству отдельных видных представителей татарской литературы советского периода. Появились недавно статьи Г. Халита о классике татарской советской литературы Г. Ибрагимове, монографические очерки Г. Кашшафа и Р. Бикмухаметова о поэте-герое Мусе Джалиле, критико-биографический обзор творчества видного драматурга Т. Гиззата, сделанный Б. Гиззатом, и, наконец, книга Нура Гизатуллина о творчестве крупного прозаика Кави Наджми.

В критико-биографическом очерке молодого татарского литературоведа Нура Гизатуллина «Кави Наджми», как нам кажется, отразились как положительные, так и слабые стороны татарского литературоведения.

Творчество одного из зачинателей татарской советской литературы Кави Наджми, несомненно, заслуживает обстоятельного исследования. Выступив на арене литературы как пламенный поэт пролетарской революции, он явился впоследствии автором такого значительного произведения советской литературы, как роман «Весенние ветры», в свое время удостоенный Сталинской премии. Богатое наследие писателя, позволяющее уяснить многие вопросы, связанные с развитием всей татарской советской литературы, по праву должно было привлечь внимание наших исследователей. В этом отношении труд Н. Гизатуллина, первым обратившегося к монографическому изучению творчества Наджми, заслуживает безусловной поддержки.

---

* Н у р Г и з а т у л л и н, Кави Наджми. Критико-биографический очерк, Таткнигоиздат, Казань, 1957, 128 стр.

Автор книги поставил своей задачей проследить идейно-творческую эволюцию писателя, выявить идейно-тематическую специфику творчества К. Наджми главным образом как прозаика, определить его роль в истории татарской советской литературы. Сразу же оговоримся, что Н. Гизатуллину не вполне удалось установить тесную взаимосвязь деятельности К. Наджми-поэта с развитием прозы в его творчестве. О поэзии К. Наджми как 30—40-х годов, так и послевоенных лет говорится вне всякого отношения ко всему его творчеству, как бы только потому, что ее нельзя обойти. Здесь следовало бы отметить, что К. Наджми в своей поэзии со временем все более тяготел к эпическим жанрам, что явилось как бы связующим звеном с его прозой. Изучение этого вопроса помогло бы автору раскрыть как особенности поэзии К. Наджми, так и идейно-художественную общность ее со всем его творчеством.

Труд Н. Гизатуллина богат фактическим материалом. Им впервые собрана и приложена к книге обширная библиография произведений татарского писателя и литературы о нем, уточнены и выявлены новые детали биографии К. Наджми, что поднимает научную ценность рецензируемой работы. Композиционно книга построена так, что каждый ее раздел охватывает анализ определенного этапа творчества К. Наджми, его узловых идейно-эстетических факторов. Это помогает нагляднее проследить творческое развитие писателя.

Автор правильно отмечает, что К. Наджми с самого начала своей творческой деятельности заявил о себе как певец социалистической революции, героики революционной борьбы. Эти мотивы были ярко выражены уже в первых его стихотворениях, напечатанных в газетах «Эшче» («Рабочий»), «Эш» («Труд»), «Тан» («Заря»), «Кызыл Армия» («Красная Армия») и др. в 1918—1920 годах. Они как бы предвосхищают в некоторой степени идейно-тематическое содержание его последующих стихотворных и прозаических произведений вплоть до «Весенних ветров».

Со второй половины 20-х годов К. Наджми все более и более тяготеет к жанру прозы. Один за другим появляются такие рассказы, как «Закалка», «Жребий», «Самое последнее», «В полукольце», «Не вернемся в Таштугай!» и др. Анализируя эти рассказы, Н. Гизатуллин раскрывает героические черты простых тружеников, воплощенные в образах К. Наджми. К сожалению, он не показывает, как стихийный героизм трудового народа постепенно поднимается в рассказах писателя до массового сознательного героизма. Между тем разбор одних только вариантов рассказа «Закалка» вплотную подводит его к этому вопросу. Н. Гизатуллин внимательно прослеживает поиски писателем таких средств художественной выразительности, которые позволили наиболее ярко воплотить его идеал, положительные идеалы. Творческие искания Наджми очерчены на фоне идейно-эстетической борьбы 20-х годов. В первых своих стихотворных произведениях и рассказах Наджми испытал некоторое влияние имажинизма, увлекался псевдоноваторством. В тогдашних теоретических положениях писателя отразилось нигилистическое отношение к традициям.

Н. Гизатуллин пишет: «Кави Наджми никогда не соглашался с политическими позициями «теоретиков» имажинизма. Если эти «теоретики», выдвигая буржуазную теорию «искусства для искусства», в сущности, отрицали необходимость активного участия в классовой борьбе советских людей, Кави Наджми, становясь на совершенно противоположную позицию, всегда утверждал общественное значение литературы и рассматривал ее как идейное оружие в исторической борьбе пролетариата» (стр. 17—18).

Это совершенно правильный тезис. Однако к выяснению противоречий К. Над-

жми в процессе его творческого возмужания неправомерно было бы подходить столь прямолинейно. Н. Гизатуллин склонен утверждать, что увлечение писателя имажинизмом свидетельствовало о противоречиях между его взглядами и художественным творчеством. Но такое утверждение ведет к замалчиванию противоречий во взглядах писателя и упрощает отношение писателя к имажинизму. Впрочем, и сам автор книги подтверждает это противоречие, говоря о статьях писателя «Литературные течения и критика» (1923), «Имажинизм в татарской литературе временно исчезает» (1923), в которых имажинизм называется «одним из революционных течений, ускоряющих разрушение формы и стиля старой литературы и поэзии». Выяснение таких противоречий раннего этапа творчества К. Наджми, нисколько не умаляя его очевидных заслуг, помогло бы шире и углубленнее осветить идейно-эстетическую борьбу в татарской литературной жизни 20-х годов.

Также недостаточно раскрыто Н. Гизатуллиным отношение молодого Наджми к татарскому классическому наследию, которое автор книги рассматривает, в основном, только в аспекте формы. В данном случае Н. Гизатуллину необходимо было сделать упор на то, что усвоение идейно-творческих достижений классиков татарской литературы Г. Тукая, М. Гафури, Г. Ибрагимова и др. явилось одним из факторов освобождения К. Наджми от идейно-эстетических заблуждений.

Несмотря на некоторую противоречивость суждений Н. Гизатуллина, он в основном правильно вскрывает удачу и слабые стороны первых произведений К. Наджми, убедительно прослеживает его творческую эволюцию. Если в своих первых рассказах писатель стремился к вычурности, нарочитой усложненности образов, художественных средств, сюжетного развития, злоупотреблял многочисленными публицистическими отступлениями и абстрактным повествованием в ущерб индивидуализации образов, то к концу 20-х годов он постепенно освобождается от этих недостатков. Это наглядно доказывается Н. Гизатуллиным сравнением начальных и последних вариантов рассказов «Закалка», «Самое последнее», «Февральские бураны», «Жребий», «Ядра» и др., а также анализом таких зрелых произведений К. Наджми, как повести «Прибрежные костры» (1928), «Светлая тропа» (1929), «Первая весна» (1930). При этом автор отмечает, что в творческой эволюции К. Наджми большая заслуга принадлежала М. Горькому, который, в частности, в письме по поводу рассказа «Жребий» призывал К. Наджми «писать проще».

Вместе с тем, анализируя повести «Светлая тропа» и «Первая весна», Н. Гизатуллин подчеркивает тематическое обогащение творчества писателя под воздействием происходящих в стране социалистических преобразований. Интересна трактовка центральных образов указанных выше повестей — Мадины, Ситдыка, Сирая, Садри, Нигмета и др. Н. Гизатуллин показывает верность К. Наджми своей основной теме — изображению роста классового сознания трудящихся масс. Существенным недостатком этой части работы является то, что она оторвана от остальных частей книги и существует как-то сама по себе, изолированно. Может быть, не было никакой необходимости посвящать специальный раздел рассказам, изображающим путь татарского народа к социалистической революции, их уместно было бы рассмотреть вместе с романом «Весенние ветры», поскольку они непосредственно характеризуют путь писателя к созданию этого романа.

Автору книги не всегда удается суммировать, обобщить свои наблюдения. Очень часто какая-нибудь характерная для К. Наджми идейно-художественная деталь повторяется во многих местах книги. Каждый определенный цикл произведений

Н. Гизатуллин разбирает обособленно, что приводит к ряду повторений. Так, например, говоря о рассказах, он вынужден повторять один и тот же тезис о героизме советских людей. При разборе романа «Весенние ветры» со страницы на страницу кочуют почти одни и те же выражения: «Тема содружества братских народов — русского и татарского — в их совместной борьбе против самодержавия и капитализма является главной темой этого многопланового романа» (стр. 81). На стр. 83 снова приходится читать: «Тема дружбы братских народов в их совместной борьбе против самодержавия и капитализма является главной темой романа Кави Наджми» и т. д. Во многих местах Н. Гизатуллин говорит о широкой разветвленности сюжетных линий, связывающихся в один единый узел (стр. 32, 35, 42, 64, 93).

Н. Гизатуллин подробно останавливается на активной творческой деятельности К. Наджми в годы Великой Отечественной войны и как публициста, и как прозаика, и как поэта, написавшего в эти годы несколько поэм («Фарида», «Хаятапа», «Снайпер Мардан», «Приветственное письмо»), ряд статей, стихотворений и рассказов. Однако, правильно определяя их идейно-тематическую сущность, автору книги в данном случае снова не удалось показать их место в творческой эволюции К. Наджми.

Самое хорошее впечатление оставляют, пожалуй, те страницы книги, которые посвящены роману «Весенние ветры» (1949) — одному из выдающихся произведений татарской советской литературы. На фоне великих исторических событий с конца XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции писателю удалось изобразить формирование татарского пролетариата и его участие совместно с русским народом в борьбе за свое национальное и социальное освобождение. Этот путь К. Наджми показывает на конкретных характерах и типах татарского общества той эпохи. Роман является своеобразным итогом идейно-эстетических поисков, которыми отмечен творческий путь писателя. В книге делается удачный экскурс в творческую лабораторию Наджми, начавшего печатать отдельные отрывки романа еще в 30—40-х годах («Две встречи», «На гауптвахте», «Старушка Малика», «Суфия», «Люди слободы» и др.).

Н. Гизатуллин справедливо отмечает благотворное воздействие, которое оказало на писателя постановление ЦК ВКП(б) об идеологической работе в Татарской партийной организации (1944), в котором рекомендовано: «Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов — героев Отечественной войны».

Н. Гизатуллин делает интересные наблюдения над художественными особенностями романа, внимательно прослеживает формирование и развитие таких образов, как образы Мустафы, Малика, Герея, Саима, Насима, Раушана и др., которые под руководством большевиков (Хасана Айвазова, Алексея Халявина и др.) становятся подлинными революционерами, доказывает, что и «представители эксплуататорских классов показаны в движении и развитии, т. е. в своем движении к гибели».

В целом, несмотря на обилие общих мест в рассуждениях Н. Гизатуллина об историко-революционном романе и специфике отражения в нем исторических фактов, ему удалось раскрыть новаторский характер романа К. Наджми, его роль в истории татарской советской литературы.

В заключение хочется упрекнуть Н. Гизатуллина за то, что он нигде не упоминает критиков и литературоведов, исследовавших произведения К. Наджми. А ведь о творчестве К. Наджми писалось и пишется много (Г. Халит, Г. Қашшаф, Х. Хайри и др.).

Исследование Гизатуллина о Кави Наджми—первая попытка в создании очерков, посвященных отдельным татарским советским писателям. И несмотря на ряд существенных недостатков, книга эта в основном правильно раскрывает идейно-творческую эволюцию видного татарского писателя. В этом ее научно-литературный интерес.

Р. БАШКУРОВ

МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВ *

Мирза Фатали Ахундов — выдающийся азербайджанский мыслитель XIX века, философ-материалист, демократ-просветитель, первый реформатор арабского алфавита и видный общественный деятель — является и классиком азербайджанской литературы, родоначальником реалистической школы, зачинателем драматургии, первым литературным критиком.

Книга М. Рафили — первая значительная монография об Ахундове, плод долголетнего труда исследователя. Одним из несомненных ее достоинств является работа автора о воссоздании исторического фона. Жизнь и творчество Ахундова он рассматривает в тесной связи с его эпохой, обстоятельно характеризует экономические и социально-культурные факторы, формировавшие личность писателя.

Говоря о прогрессивном значении присоединения Азербайджана к России в экономической, политической и культурной жизни азербайджанского народа, автор особо подчеркивает влияние передовой русской общественно-политической мысли и литературы на развитие культуры и литературы в Азербайджане, на пробуждение политического и гражданского сознания прогрессивной интеллигенции.

Ярко освещены дружеские связи Ахундова с декабристами, участниками польского восстания 1830 года, с передовыми деятелями России и Закавказья — в частности, знакомство и дружба Ахундова с Бестужевым-Марлинским, Лада Заблоцким, Х. Абовяном, Г. Эристовым, М. Вазехом, А. Бакихановым, А. Полонским, Е. Вердеревским, И. Золотаревым, востоковедами Н. Ханыковым, А. Берже и другими прогрессивными деятелями, находившимися на Кавказе в 30—40-х годах XIX века.

В книге анализируются все основные художественные, исторические, философские и литературно-критические произведения М. Ахундова.

Первым значительным произведением М. Ахундова является «Элегическая касыда на смерть Пушкина», появившаяся одновременно с лермонтовским «На смерть поэта». Молодой азербайджанский поэт клеймит презрением убийц Пушкина, которых он называет «разбойниками» и «злодеями».

Говоря о несомненной связи поэмы Ахундова с творчеством Пушкина, М. Рафили справедливо подчеркивает ее значение для развития азербайджанской литературы, отмечая ее новаторский характер. «Хотя Ахундов и здесь прибегал к цветистым метафорам, к традиционным поэтическим сравнениям, но композиция эле-

* М. Рафили, М. Ф. Ахундов. Жизнь и творчество, Баку, 1957, 394 стр.